

УДК 398.224(=161.1)
DOI 10.25587/SVFU.2023.63.59.003

Т. Г. Иванова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ В БЫВШЕМ ЕНИСЕЙСКОМ ОКРУГЕ (УЕЗДЕ)

Аннотация. В статье на фоне истории заселения русскими людьми в XVII–XIX вв. сибирских рек Енисей и Ангара рассматривается региональная былинная традиция Енисейского уезда. Автор исходит из положения о былинных метрополиях, через которые осуществлялось распространение былин на европейской части России: «материнские метрополии» (Киев, Владимиро-Сузdalские земли, Новгород); «колонизационные метрополии» (Новгород, Владимиро-Сузdalские земли, Москва), из которых былины продвигались прежде всего на Русский Север; «региональные метрополии» (точки Русского Севера, Поволжья), откуда эпос распространялся на земли некоего большого историко-культурного региона; «локальные метрополии», выполнявшие ту же функцию распространения былин, но на более ограниченной территории. Енисейско-Ангарский край играл роль «региональной метрополии» в Сибири и одновременно «колонизационной метрополии» для продвижения русских былин на восток Сибири (Колыма, Индигирка, Анадырь). Автором описывается былинный репертуар края (сюжеты «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец и Сокольник», «Добриня Никитич и Змей», «Добриня и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича», «Сухман», былины-новообразования «Бой Добрини с бабой Горынищем», «Калинин-царь увозит девушку»). Акцентируется внимание на своеобразии отдельных деталей в построении сюжетных поворотов и образов героев. Даётся характеристика всем немногочисленным текстам, записанным в конце XIX–XX вв. Указывается на процессы затухания песенно-эпической традиции в местном крае, что выразилось прежде всего в деформированных и фрагментарных записях. Особо говорится о затухании функции исторической памяти в былинах, о чем свидетельствует исчезновение важных для былин топонимов (например, Киев).

Ключевые слова: былина; региональная былинная традиция; Енисей; Ангара; история заселения; былинные метрополии; былинный репертуар; Илья Муромец; Добриня Никитич; процессы затухания эпической традиции.

T. G. Ivanova

Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS

Russian epic tradition in the former Yenisei District

Abstract. The article examines the regional epic tradition of the Yenisei District against the background of the history of settlement by Russian people in the 17th–19th centuries along the Siberian rivers of Yenisei and Angara. The author proceeds from the thesis on epic metropolises, through which the distribution of epics in the European part of Russia was carried out: “mother metropolises” (Kiev, Vladimir-Suzdal lands, Novgorod); “colonization metropolises” (Novgorod, Vladimir-Suzdal lands, Moscow), from which the epics moved primarily to the Russian North; “regional metropolises” (points of the Russian North, the Volga region), from where the

ИВАНОВА Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: tgivanova@inbox.ru

IVANOVA Tatiana Grigorievna – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Russian Folklore Department, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: tgivanova@inbox.ru

epic spread to the lands of a certain large historical and cultural region; “local metropolises” that performed the same function of spreading epics, but on a more limited territory. The Yenisei-Angara region played the role of a “regional metropolis” in Siberia and at the same time a “colonization metropolis” for the promotion of Russian epics to the east of Siberia (Kolyma, Indigirka, and Anadyr). The author describes the epic repertoire of the region (the plots “Ilya Muromets and the Robber Nightingale”, “Ilya Muromets and robbers”, “Ilya Muromets and Kalin the Tsar”, “Ilya Muromets and Sokolnik”, “Dobrynya Nikitich and the Serpent”, “Dobrynya and the failed marriage of Alyosha Popovich”, “Sukhman”, epics-neoplasms “Dobrynya’s fight with a woman Gorynishche”, “Kalinin-tsar takes the girl away”). Attention is focused on the uniqueness of individual details in the construction of plot twists and images of heroes. The characteristic of all the few texts recorded at the end of the 19th – 20th centuries is given. It indicates the processes of the decay of the song-epic tradition in the local region, which was expressed primarily in deformed and fragmentary recordings. Special mention is made of the fading of the function of historical memory in epics, as evidenced by the disappearance of toponyms important for epics (for example, Kiev).

Keywords: bylinas; regional tradition; Yenisei river; Angara river; history of settlement; epic metropolises; epic repertoire; Ilya Muromets; Dobrynya Nikitich; processes of decay of epic tradition.

Введение

В связи с былинами нам уже приходилось выдвигать положение об иерархии эпических метрополий [1, с. 11–21]. «Материнскими метрополиями» мы называем регионы, где в X–XIII вв. складывался былинный эпос (Киев, Муром, Рязань, Ростов, Сузdalь, Новгород). «Колонизационные метрополии» – это регионы, откуда в XIII–XVI вв. уже сложившийся эпос продвигался на Русский Север, в Москву, в Поволжье (Новгород, Ростово-Сузальско-Владимирские земли). «Региональные метрополии» – точки Русского Севера, Поволжья и Москвы, откуда эпос распространялся на земли некоего большого историко-культурного региона. Например, бывший г. Кегрола на Пинеге, средневековый административный центр, где сидели представители Москвы, играл роль региональной метрополии для Пинеги, Кулоя, Мезени, Печоры. «Локальные метрополии» выполняли ту же функцию распространения былин, но на более ограниченной территории (например, с. Усть-Цильма для Печоры).

Громадные сибирские пространства на былиноведческой карте представлены отдельными регионами, каждый из которых имеет свою историю заселения и занимает особое место в общей истории продвижения русских людей на восток. Горнозаводской Алтай и его былинная традиция, без сомнения, укореняется в Уральских землях, где сложился metallurgicalский район, образованный казенными и частными демидовскими заводами.

Региональные традиции Восточной Сибири – Илимск и Верхняя Ангара, Индигирка (Русское Устье), Колыма, Анадырь (а также Забайкалье) – увязаны в единый колонизационный поток. Илимское воеводство, игравшее в XVII–XVIII вв. важную роль в организации продвижения русских людей на восток Сибири, как мы уже докладывали на проходившей в Омском государственном педагогическом университете конференции «Народная культура Сибири», посвященной памяти Т. Г. Леоновой (15 декабря 2022 г.), можно рассматривать в качестве отправной точки формирования былинных традиций на Индигирке, Колыме и Анадыре. В свою очередь, песенно-эпическая традиция Илимского воеводства исходит из Енисейского округа, являющегося предметом нашего специального рассмотрения в данной статье.

История поселений Енисейского округа и записи былин в местном крае

1. Енисейский округ (уезд) и г. Енисейск (общая картина в плане хронологии освоения Сибири представлена в книге [2]). Освоение русскими людьми реки Енисей осуществлялось двумя путями – со средней Оби и с севера. Важной точкой для этого региона стала легендарная Мангазея, некогда располагавшаяся на р. Таз (впадает в Карское море несколькими рукавами) (ныне Ямало-Ненецкий автономный округ). Поморы приходили сюда с европейской России и вступали в торговлю мехами с местными народами.

Мангазея стала отправным пунктом для основания первых селений на Енисее: в 1607 г. на р. Турухан (левый приток Енисея) стрельцы и казаки поставили Туруханское зимовье (ныне с. Старотуруханск) [3, с. 587–588]. В 1672 г. на правом берегу Енисея, у впадения в него Нижней Тунгуски, был заложен город Новая Мангазея. Вскоре новый острог стал местом воеводского управления. С 1735 г. город являлся центром Новомангазейского уезда Тобольской провинции Сибирской губернии. В 1763 г. в уезде проживало 805 человек (105 дворов). В 1780 г. Новая Мангазея была переименована в Туруханск [4, с. 320]. С 1822 г. это был заштатный город Енисейского округа Енисейской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. На протяжении всего XIX века Туруханск приходил в упадок.

Сложно сказать, была ли принесена стрельцами и казаками (см. о роли казачества в освоении Восточной Сибири: [5]), а также промышленниками и торговыми людьми в XVII в. в Мангазею и Туруханск былинная традиция. Никаких данных о бытovanии песенного эпоса в этих географических точках фольклористика не имеет. Однако, учитывая, что посадские и оброчные люди в Мангазею приходили с европейского Русского Севера, можно предположить, что этот город, как и Туруханск, некогда знал песенный эпос. Явственные же следы былинной традиции фиксируются, начиная с Енисейского округа.

Основание Енисейского острога (г. Енисейск) приходится на лето 1619 г., когда боярский сын Петр Албычев и стрелецкий сотник Черкас Рукин с казаками из Маковского острога, расположенного на р. Кети (правый приток Оби),¹ добрались до Енисея и ниже устья Ангары поставили новое поселение. За служилыми людьми вскоре потянулись промышленники, торговавшие с местными народами. Уже в 1626 г. в Енисейске была поставлена церковь Введения Богородицы. В 1676 г. Енисейск получил статус города. Долгое время все поселения по Енисею и заенисейская Сибирь находились в ведении воевод из Енисейска.

Основное население Енисейска поначалу составляли служилые люди. В. А. Александров дает следующую статистику на конец XVII – начало XVIII вв.: 1669 г. – 552 человека; 1675–1677 гг. – 442 чел.; 1701 г. – 515 чел.; 1703 г. – 661 чел.; 1719 г. – 556 чел. [6, с. 53]. Говоря о промышленниках, шедших в Енисейск, В. А. Александров указывает, что большая их часть была родом с Поморья. Так, для 1629–1630 гг. исследователь называет количество 363 человека с Поморья, что составляет 72,9 % от общего числа енисейских промышленников.

В ходе постоянных административных реорганизаций статус города Енисейска в XVIII в. менялся: в 1724–1775 гг. – главный город Енисейской провинции; 1782 г. – включен в Тобольское наместничество; 1796 г. – уездный город Тобольской губернии; 1804 г. – Томской губернии. С образованием в 1822 г. Енисейской губернии и учреждением округов Енисейск стал окружным городом (при губернском городе Красноярске). По данным Н. В. Латкина, в Енисейске в это время стоял 1081 дом (из них 15 каменных), 8 церквей, 2 школы, 5 богадельных заведений, 10 заводов, 143 лавки; жителей обоего пола числилось 5824 человека [7, с. 447]. С 1898 г. Енисейск – уездный город Енисейской губернии. В настоящее время это административный центр Енисейского района Красноярского края.

По сведениям А. П. Степанова, первого Енисейского губернатора, в Енисейском округе на 1823 г. было 24 000 жителей, из них государственных крестьян – 11 522 человека [8, с. 154–167]. В 1830-е гг. вольные переселенцы направлялись в Енисейскую губернию из Вологодской, Вятской, Пермской, Ярославской, Пензенской губерний [9, с. 113]. В 1834 г. в Енисейском крае были открыты золотоносные жилы, что способствовало увеличению населения в этом регионе. Расцвет золотодобычи падает на 1840-е – 1850-е гг.

Имеются сведения по самому городу Енисейску. По данным справочника, изданного в 1864 г. (№ 3), здесь стояло 887 домов (2526 муж., 2591 жен.) (статистические данные далее приводятся

¹ Маковский острог, одно из первых поселений на Енисейской земле, был поставлен в 1618 г. Петром Албычевым и Черкасом Рукиным, присланными из Сургута. Кетский (Маковский) острог был одной из опорных баз освоения Сибири.

по справочникам 1864, 1895 и 1911 гг. [10; 11; 12]; при ссылках на данные издания называется порядковый номер деревни (села)). В городе было 8 церквей, 2 монастыря, уездное и приходское училища, богадельня, больница, почтовая станция, пристань, 24 заводика, острог. К 1895 г. население города составляло 4375 муж., 3126 жен. (№ 383). Церквей к этому времени было 14, учебных заведений – 7; заводов и фабрик – 27. В справочнике 1911 г., задачей которого было дать сведения о землях, возможных для освоения переселенцами, направлявшимися в Сибирь в ходе реформ П. А. Столыпина, сведения по Енисейску, как и по другим городам губернии, не приводятся.

В самом г. Енисейске В. С. Толкачевой в 1907 г. была записана (и передана известному этнографу А. Макаренко) былина на сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле» [13, № 40]; два варианта того же сюжета были зафиксированы на магнитофонную ленту в 1977 г. А. М. Мехнечевым [13, № 42 и 42а]. Можно предположить, что в пределах Енисейского округа (на Енисее или Ангаре) была записана былина «Илья Муромец на Соколе-корабле», опубликованная в 1874 г. в журнале «Русская старина» и переданная в редакцию офицером Веселовым [13, № 39].

2. Ангара. Енисейский округ включал территорию Нижней и Средней Ангары (правый приток Енисея). Освоение Ангары русскими людьми осуществлялось из Енисейска. В 1628–1629 гг. на Нижней Ангаре знаменитым землепроходцем Петром Бекетовым был поставлен Рыбинский острог (впоследствии с. Рыбное). Заселение региона землепашенными крестьянами началось в 1640-е гг. По данным Г. Ф. Быкони, по Нижней Ангаре и её притокам на 1670 г. числилось 8 селений (85 семей); на 1719 г. – 14 селений (346 семей) [14, с. 173]. Известно, что в 1680-е гг. выше Рыбинского острога в устьях рек Пинчуги и Кежмы стояли деревеньки в 2–3 двора [9, с. 33–34]. Назовем ангарские волости и деревни, в которых в конце XIX – XX вв. записывались былины.

2.1. Пинчугская волость располагается в низовьях Ангары. В этой волости записано самое большое в Енисейской губернии количество песенно-эпических произведений. Деревня Пинчуг (Пинчуга, Пинчугская), стоящая на Ангаре (385 верст от Енисейска) в устье р. Пинчуги, датируется 1680-ми гг. [15, с. 284]. По сведениям справочника на 1864 г. [10, № 444], она составляла всего 38 дворов (123 муж., 126 жен.). При этом деревня была волостным центром, где имелась церковь. В справочнике 1895 г. [11, № 505] значатся 64 крестьянских и 4 некрестьянских двора (207 муж., 210 жен.). К 1911 г. [12, № 652] сведения таковы: церковь св. Троицы, одноклассная школа Министерства народного просвещения, 68 дворов (265 муж., 234 жен.). В самой Пинчуге записи песенно-эпических произведений, кажется, не производились.

Эпический материал имеется из д. Ярковой (Ярки), входящей в Пинчугскую волость и стоящей на левом берегу Ангары. Записи были сделаны А. А. Савельевым в 1911–1914 гг. [13] – № 35 «Илья Муромец и разбойники»; № 47 «Калинин-царь увозит девушку»; № 127 «Добрыня и Алеша»; № 162 прозаический текст с контаминацией сюжетов об Илье Муромце («Исцеление Ильи», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Калин-царь»). По сведениям справочника 1864 г. [10, № 443], здесь стоял 21 двор (94 муж., 96 жен.). В справочнике 1895 г. [11, № 515] – 39 дворов (141 муж., 197 жен.). По списку 1911 г. [12, № 663] в д. Ярковская (Ярки) числится 46 дворов (177 муж., 206 жен.).

Записи песенно-эпического материала делались также в с. Богучаны (Богучанское) Пинчугской волости: 1905 г., собиратель П. Т. Воронов [13] записал тексты «Илья Муромец на Соколе-корабле» (№ 41) и «Добрыня и Алеша» (№ 123). Село известно с 1630 г. как д. Богучанская, выросшая из заимки. На 1735 г. оно являлось центром самостоятельного присуда.¹ С 1885 г. это волостное село, а с 1927 г. – районный центр [16, с. 79].

Согласно справочнику 1864 г. [10, № 442], здесь было 29 дворов (95 муж., 98 жен.); имелись церковь, училище. В справочнике 1895 г. [11, № 472] даются следующие сведения: 51 крестьян-

¹ Присуд – административно-территориальная единица.

ский двор и 3 некрестьянских (176 муж., 202 жен.). По сведениям справочника 1911 г. [12, № 625], в Богучанах стояла церковь св. Петра и Павла, имелась одноклассная школа Министерства народного просвещения. На этот период в деревне числилось 58 дворов (192 муж., 217 жен.).

Еще одна возможная былинная точка в Пинчугской волости – с. Рыбное. Предположительно именно здесь была записана былина «Старина про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного» [13, № 30] (1893 г., собиратель А. Александров). Считается также, что из этой же деревни происходит былина «Илья Муромец на Соколе-корабле», записанная в 1860-е гг. [13, № 38].

В справочнике 1864 г. Рыбное называется Рыбинским [10, № 431]: 51 двор (129 муж., 132 жен.), церковь, винный подвал. В справочнике 1895 г. [11, № 507] – 71 крестьянский двор и 6 некрестьянских дворов (186 муж., 202 жен.). По справочнику 1911 г. [12, № 655] Рыбное описывается как селение, в котором имеется церковь, церковно-приходская школа и метеостанция. Здесь в это время стоял 71 двор (204 муж., 200 жен.).

В советское время в д. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1983 г. Н. Новоселова, П. Калиниченко и Л. Шпак записали былину «Добрыня и Алеша» [13, № 226]. Манзя располагается на р. Манзе (Усолке), которая впадает в р. Тасееву (левый приток Ангары). Это район соляных варниц. В справочнике 1864 г. деревня [10, № 445] описывается следующим образом: стоит при р. Ангаре и Манзе, в 338 верстах от г. Енисейска, 12 дворов (57 муж., 60 жен.). По данным справочника 1895 г. [11, № 498] – 31 двор (86 муж., 80 жен.); в справочнике 1911 г. [12, № 645] – 33 двора (108 муж., 83 жен.).

2.2. Кежемская волость. Выше Пинчугской волости по Ангаре располагалась Кежемская волость (ныне граница с Иркутской областью). Волостное правление находилось в с. Кежемское, стоящем на правом берегу Ангары при р. Кежме. Н. В. Латкин писал: «Село Кежемское на правом берегу реки, в нем каменная церковь, 173 дома и до 1000 чел^{овек} ж^{ителей} об^{оего} пола. Здесь находится квартира участкового заседателя, волостное правление, сугланное¹ место при-Ангарских тунгусов, запасный хлебный магазин, и приходское училище. Кежемское село самое большое на всем течении В. Тунгуски² в пределах губернии» [7, с. 337–338]. Кежма датируется 1680-ми гг. [15, с. 284].

По данным справочника 1864 г. [10, № 418], в селе стояло 173 двора (482 муж., 465 жен.); имелись церковь и училище. Справочник 1895 г. [11, № 428] называет 167 крестьянских дворов и 4 некрестьянских (529 муж., 549 жен.). По сведениям справочника 1911 г. [12, № 578] значится Спасская церковь, двухклассная школа Министерства народного просвещения, фельдшерский пункт, метеостанция; 175 дворов (616 муж., 632 жен.) [см. также: 17, с. 263; 18, с. 262–263].

Былинные записи в Кежемской волости относятся к Кежемской Заимке (Заимской), где в 1904 г. А. А. Макаренко зафиксировал два сюжета: «Сухман» [13, № 64] и «Бой Добрыни с бабой Горынищем» [13, № 20]. Кежемская Заимка располагалась на острове Тургеневом на Ангаре. По справочнику 1864 г. [10, № 457] находим следующие сведения – 67 дворов; 214 муж., 205 жен.; церковь. Статистические данные справочника 1895 г. [11, № 426] – 94 крестьянских двора и 1 некрестьянский (331 муж., 321 жен.). По справочнику 1911 г. значится Заимка Кежемская, она же Верхне-Изголовень [12, № 576] – 97 дворов (385 муж., 345 жен.).

Среди деревень, где производились записи песенно-эпических произведений, значится д. Дворец Кежемской волости, где в 1904 г. А. А. Макаренко зафиксировал былину «Добрыня и Змей» [13, № 10]. В справочнике 1864 г. [10, № 435] находим следующие сведения: 14 дворов (42 муж., 41 жен.), церковь. В справочнике 1895 г. деревня не названа; в справочнике 1911 г. [12, № 575] числится 33 двора (81 муж., 88 жен.).

2.3. Выдринская волость. На притоке Ангары р. Чуне, слева от Ангары, располагается д. Выдрино (Выдринское, она же Савина). Река Чуна (1203 км) в верхнем течении называлась Уда;

¹ Суглан – народное собрание у эвенков, на котором решались хозяйствственные и административные вопросы.

² Напомним, что в нижнем течении Ангары долгое время называлась Верхней Тунгуской.

сливаясь с р. Бирюсой (Оной), она образует р. Тасееву, впадающую в Ангару недалеко от устья последней. Выдринская волость противоположна Кежемской волости относительно Ангары.

В 1908 г. здесь былину «Добрыня и Алеша» записали учителя К. М. и З. Т. Некошновы [13, № 124]. Вторым собирателем былин в Выдрино являлся И. А. Чеканинский, работавший там в 1913 г.: «Илья Муромец и его сын Удача» [13, № 79], «Добрыня и Алеша» [13, № 125, 126].

По данным справочника 1864 г. [10, № 485], в Выдрино стояло 22 двора (103 муж., 105 жен.). К 1895 г. Выдрино относилось к Пинчугской волости [11, № 479] – 60 крестьянских дворов (152 муж., 185 жен.). В 1911 г. Выдрино, центр Выдринской волости, было приписано к Канско-Кузнецкому уезду Енисейской губернии [12, № 959] – 64 двора (170 муж., 162 жен.); здесь была одноклассная школа Министерства народного просвещения, хлебный запасный магазин.

По-видимому, к р. Чуне надо отнести былину «Калин-царь» [13, № 236], записанную в 1907 г. неизвестным собирателем, участником почвенно-ботанических изысканий под руководством инженера А. А. Шера [19, с. 426–438]. А. А. Шер обследовал бассейны р. Бирюсы, Оны, Чуны, Ангары в связи с реформами П. А. Столыпина, направленными на переселение крестьян из Европейской части России в Сибирь.

Мы позволили себе привести статистические сведения о населении Енисейского округа и его сел и деревень на разные исторические периоды для того, чтобы явственно ощущать, какое малое количество русских людей, пришедших в Восточную Сибирь, удерживало память о былинной традиции. Ключевой вопрос для песенно-эпической традиции Сибири – что можно считать её метрополией. История заселения Енисейско-Ангарского края не оставляет сомнений, что это была территория европейской России – Русский Север, причем его восточная часть (Восточное Поморье, Пинега, Кулой, Мезень, Печора, Великий Устюг). В рассматриваемый регион было принесено и народное жанровое определение былин. Сказитель Н. М. Смолин перед исполнением былины об Илье Муромце и Сокольнике замечает: «А вот ешьо есть песня-старинка, как воёвал Илья Муромец с Удачей-богатырем» [13, с. 183]. Е. А. Попов сюжет о Сухмане начинает стихами: «Скажу-ко-те, братцы, я старину вам скажу, / Старину скажу и старопрежнею, / Старопрежнею и стародавнею» [13, № 64, ст. 1–3].

Мы полагаем, что былины на Енисей были занесены уже первопроходцами, пришедшими из Мангазеи. В дальнейшем на протяжении XVIII–XIX вв. основные переселенческие потоки шли из севернорусских черносошленных уездов (устюжане, сольвычегодцы, вычегжане, сысольцы, вымичи, пинежане). Именно отсюда наиболее пассионарные жители Русского Севера направлялись в Сибирь. В этих же регионах набирали для службы ратных людей. Центральные крепостнические уезды России в заселении Сибири до начала XX в. участия почти не принимали [6, с. 141–157].

Характеристика былинного репертуара Енисейско-Ангарского края

Обзор песенно-эпических записей свидетельствует, что репертуарный список былин в Енисейско-Ангарском крае весьма ограничен. К тому же, значительное число сюжетов зафиксировано в дефектном виде. Очевидно, что традиция к моменту записи была уже на исходе. Тем не менее некоторые наблюдения сделать можно.

В регионе зарегистрированы основные сюжеты об Илье Муромце. Один из текстов [13, № 30] представляет деформированный вариант с контаминацией сюжетов «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Идолище», при этом зачином былины является эпизод, явно позаимствованный из исторических песен о Степане Разине: на пиру богатыри выбирают, кому быть атаманушкой (Илье Муромцу), кому эсaulом (Алешеньке Поповичу). Далее очень скжато излагается сюжет о Соловье-разбойнике. Второй богатырский сюжет, воспевающий расправу Ильи Муромца с Идолищем, представлен еще в более деформированном виде. Противник русского богатыря по имени не назван. Остается только его характеристика – он обжора. Соответственно сохраняются слова Ильи Муромца: он намекает на «корову волочажную», которая по «поварням» волочилася и от этого ей смерть пришла.

Сюжет «Илья Муромец и разбойники» в Енисейско-Ангарском крае представлен разрушенным фрагментом [13, № 35]. Имя Ильи Муромца здесь отсутствует, что, впрочем, характерно для многих текстов на этот сюжет и на Русском Севере. Герой именуется «стар страннишничек» (ст. 2). На него нападают не сорок разбойников, а всего два (вероятно, отголосок бытового опыта сказителя). «Стар страннишничек», согласно традиции, говорит, что взять с него нечего – кроме «шубёнушки» и коня, которому «сметы нет». Далее весьма нелогично разбойнички «испужалися и розбежались» (ст. 20).

Равным образом и популярный в русской традиции сюжет «Илья Муромец и Сокольник» о бое отца с сыном в рассматриваемом регионе записан в единственном испорченном фрагментарном варианте [13, № 79]. Сын Ильи Муромца получает нетрадиционное имя Удача. Былина начинается с описания поединка богатырей (т. е. тема заставы богатырской, на которой стоят Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, и Сокольника, проезжающего мимо заставы, в тексте отсутствует). Далее следуют расспросы Ильи Муромца у побежденного противника: какого тот села и города и кто у него батюшка и матушка. Получив ответ «Мой-то батюшка – Илья Муромец» (ст. 16), Илья признает сына. «Да ладно – спросилися, а то бы Илья Муромец убил Удачу», – завершает сказитель былину. В классических версиях Сокольник, оскорбленный своим незаконным рождением, пытается убить спящего Илью, но погибает сам от руки отца.

Лишь фрагментом представлен и сюжет «Илья Муромец и Калин-царь» [13, № 236] – приход Калина-царя и его войска к неназванному Киеву и отправка им посла в город. Данный отрывок сохранил весьма выразительные поэтические детали. О «силе» (войске) Калина-царя, например, сказано: «У него силы многое множество – / Серу волку ночью не обрыскати, / Ясному сколку в день не облетать» (ст. 6–7).

В Енисейско-Ангарском регионе записан прозаический вариант с пересказом сюжетов «Испытание Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Калин-царь» [13, № 162]. Скорее всего текст порожден лубочной книжкой.

Самым популярным сюжетом об Илье Муромце является «Илья Муромец на Соколе-корабле» – поздняя былина, сложившаяся не ранее XVI в. или в южной Руси [20, с. 305–328], или в Великом Устюге [21, с. 28–30]. В определенном смысле этот сюжет может считаться визитной карточкой региона (6 вариантов, среди которых одна повторная запись начала на магнитофонную ленту [13, № 42а]). Названная эпическая песня, как и в Великом Устюге, функционировала в качестве святочно-рождественского виноградья с традиционным припевом «Виноградье красно зеленое!» [13, № 40, 42, 42а]. Традиционное для святочно-рождественских виноградий обращение к хозяевам дома могло помещаться или в начале былины («Ты велишь, хозяин, виноградье спеть, / Ты велишь – мы споем, не велишь – не поем» [13, № 41, ст. 1–2]), или в её конце («Прикажи, сударь хозяин, виноградья спеть...» [13, № 42, ст. 3 по отдельной нумерации стихов; см. также: 13, № 38, ст. 71–77; № 39, ст. 20–21]).

Содержанием былины, напомним, является описание Сокола-корабля, на котором находятся Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович (в нашем регионе добавляется еще Полкан – персонаж, позаимствованный из лубочных сказок). Турецкий хан приказывает турчанам захватить корабль; Илья Муромец заговаривает стрелу, чтобы она летела в грудь хану; турки, испугавшись, зарекаются: «Не дай Боже, на сине море бывать, / На сине море бывать, Илью Муромца видать» [13, № 40, ст. 50–51; см. также: № 38, ст. 68–70; № 41, ст. 31–32].

Турецкая тема в местных вариантах сюжета «Илья Муромец на Соколе-корабле» заявлена весьма выпукло. В былинах фиксируются «турецкий хан» [13, № 38, ст. 29; № 40, ст. 22, 33], «турки» [13, № 38, ст. 65; № 41, ст. 29, 30], «турченята» [13, № 40, ст. 48], «турчанушки» [13, № 41, ст. 7], «турчане» [13, № 38, ст. 31]. Былины знают формулу «турецкий (турский) град». Илья Муромец заговаривает стрелу: «Ты лети, лети стрела, во турецкой град, / Во турской град, во ханов сад <...>, / Самому хану во белу грудь» [13, № 40, ст. 42–46; см. также: № 38, ст. 28; № 39, ст. 17]. Турецкий маркер, без сомнения, на Енисее, как и в других регионах, оставался

актуальным в связи многочисленными русско-турецкими войнами XVIII–XIX вв., отраженными в исторических песнях.

Обратим внимание на то, что в некоторых вариантах сюжет сохраняет топоним *Хвалынское море* (старинное имя Каспийского моря): «Как по синему морю Хвалынскому, / Виноградье красно зеленое, / Ходил гулять Сокол-корабль» [13, № 39, ст. 1–3; см. также № 38, ст. 2].

В Енисейско-Ангарском регионе помимо былин об Илье Муромце зарегистрированы главные сюжеты о Добрыне Никитиче – «Добрыня и Змей» и «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича» («Добрыня и Алеша»), а также былина-новообразование «Бой Добрыни с бабой Горынищем».

Классический змееборческий сюжет «Добрыня и Змей» представлен единственным текстом, записанным в Кежемской волости [13, № 10]. Вариант далеко не полный, но тем не менее он содержит все узловые моменты коллизии: наказ матери не заплыть за третью струечку; нарушение запрета; появление Змея, угрожающего герою огнем; убийство противника с помощью «шляпы пуховой». Обратим внимание на некоторые интересные детали текста. Добрыня рисуется как герой малолеток, в играх с детьми калечащий своих товарищ, за что его жури-бранит мать. В классических севернорусских версиях сюжета в связи с образом Добрыни эта тема отсутствует (напомним, что мотив детских игр характерен для сюжета «Василий Буслаев и новгородцы», не зафиксированного в нашем регионе).

Любопытен именной – топонимический и антропонимический – ряд в кежемской былине. Былина потеряла важный топоним Пучай-река, на которой происходит столкновение противников: Змей в кежемской былине живет в пещере на синем море. Однако текст сохраняет топоним *Казань*: «Во Казани было-то городе, / Был Микитушка старенёк, / Состарился и переставился» [13, № 10, ст. 1–3], т. е. Микита, отец Добрыни, как и сам богатырь, жил в Казани. Нам уже приходилось писать о былинной Рязани как родине Добрыни Никитича и о трансформации Рязани на основе рифмы (Рязань – Казань) в Казань [22, с. 80–89]. Этот процесс произошел во второй половине XVI в., когда Иваном Грозным в 1552 г. было присоединено к Москве татарское Казанское ханство. Казань, исторически «чужая», превратилась в былинном пространстве в «свою».

Герой на протяжении текста несколько раз назван Добрыней (Добрынушкой) [13, № 10, ст. 8, 19, 47, 54, 60], но основной антропоним необычен – Микитич (ст. 5, 7, 31, 39, 41, 46, 48, 53, 55), только по отчеству, чего не знает былинная традиция, но что в обычье в русской деревне. Перед нами пример «опрощения» былинного текста. Очевидной новацией, свидетельствующей о разложении былинной традиции, является имя матери героя – Горынище (ст. 13). Сохраняя все черты мудрой и вещей матери, героиня получает имя, неожиданно связывающее её с миром Змея.

Кстати укажем, что имя «баба Горынище» наличествует в прозаической конспективной записи былины-новообразования «Бой Добрыни с бабой Горынищем» [13, № 20], сотканной из разных мотивов, формирующих традиционные былины: герой вступает в поединок с богатыршей бабой Горынище и поначалу терпит поражение (ср. редкий севернорусский сюжет о поединке Добрыни с богатыршей Настасьей Микулишной); убивает богатыршу и, разрезав брюхо, выясняет, что там посевяны «два выноши» (ср. популярный сюжет о Дунае и Настасье, не зафиксированный в рассматриваемом регионе); герои окаменевают. Эта былина-новообразование, как и «Добрыня и Змей», записана в Кежемской волости.

Сюжет «Добрыня и Алеша» (как и «Илья Муромец на Соколе-корабле») является самой популярной былиной в Енисейско-Ангарском крае (6 вариантов, один из которых – повторная запись [13, № 123–127, 241]): Добрыня уезжает в чисто поле, наказывая жене Настасье Микуличне ждать его шесть (двенадцать) лет, после чего идти замуж, но только не за Алешу Поповича; в отсутствие героя жена соглашается на брак с Алешей; Добрыня, не узнанный, является на свадьбу, опускает в чару перстень и подает чару Настасье; она узнает в нем своего мужа; свадьба Алеши расстроена. В рассматриваемом регионе имеются тексты, разворачивающие

коллизию в рамках классической версии [13, № 123, 241]. Однако остальные варианты предлагают различные модификации сюжета, направленные или на его расширение, или на сокращение. И расширение, и сокращение коллизии – это процессы, которые происходят на поздних этапах жизни эпической традиции во всех регионах. В рассматриваемом регионе можно отметить несколько интересных деталей.

В одном из вариантов «Добрыни и Алеши» [13, № 127] появляется необычный начальный эпизод, раскрывающий обстоятельства женитьбы Добрыни Никитича на Настасье Микуличне: на пиру у князя Владимира Добрыня сидит не весел, после расспросов герой жалуется на то, что он холост-неженат; князь Владимир предлагает ему выбрать невесту среди дворянских и купеческих дочерей, но Добрыня указывает на дочь Микулы Селенина; после трех лет жизни с женой богатырь отправляется на «великую службу царскую». Далее эпизод с выбором невесты на пиру повторяется уже в связи с Алешей Поповичем. Данный вариант имеет и необычную концовку: Добрыня жестоко расправляется с неверной женой («Спустил он ей кожу с головы до пят» – ст. 233). В классических версиях «Добрыни и Алеши», как известно, герой прощает жену, так как Алеша принес ей ложную весть о гибели мужа, а князь Владимир приневолил Настасью к браку с Алешей. Очевидно, что версия «Добрыни и Алеши», представленная в тексте № 127, в определенной мере является калькой с сюжета «Иван Годинович», не зарегистрированного в местной традиции. В «Иване Годиновиче» герой также на пиру заявляет о своем желании жениться, отвергает киевских невест, едет сватать Марью Лебедь Белую – дочь короля Ляховинского; невеста оказывается изменщицей и намеревается вместе со своим бывшим женихом Кощевичем расправиться с героями; Иван Годинович убивает Кощевича и Марью Лебедь Белую.

В варианте № 127 оказывается довольно детально разработан ход свадебного обряда, как он разворачивается в крестьянском быту. После заявления Добрыни Никитича о желании сватать Настасью Микуличну следует строка «У Солнышка (т. е. князя Владимира. – Т. И.) не пива варить, все готово было» [13, № 127, ст. 26], отражающая один из моментов свадебного действия – варение пива. Далее называется первый этап обряда – сватанье (сватами выступают князь Владимир и его жена) (ст. 50–52). Затем следуют остальные этапы: «В воскресеньце – смотреньце, / В понедельничок обрученъцио, / А во вторничок – честная свадебка» (ст. 53–55). В былине называются свадебные чины: «бояра» (т. е. гости) – могучие богатыри; дружка – старый казак Илья Муромец; тысяцкий – князь Владимир. Именно они везут Добрыню и Настасью «К суду Божью, ко злату венцу» (ст. 64). От «злата венца» (после венчания) Добрыня ведет Настасью Никулишну к своей родимой матушке (напомним, что родители, согласно традиции, при венчании не присутствовали). Примерно та же схема рисуется и для свадьбы Алеши Поповича.

Варианты № 124–126, напротив, не расширяют сюжет «Добрыня и Алеши», а предлагают сокращенную версию, сохраняющую завершенную форму произведения. Тексты начинаются со сцены движения богатыря из чиста поля к широку двору, т. е. с возвращения его с государевой службы. Далее следует традиционный диалог Добрыни с матерью о том, где его молодая жена; приход богатыря на свадьбу с гуслями, сцена с чарой и перстнем; узнавание героя и насмешливые слова в сторону Алеши: «Женился Алешенька, не с кем спать» [13, № 124, ст. 99].

Назовем еще одну интересную деталь местных вариантов «Добрыни и Алеши». В традиционных версиях запрет Настасье выходить замуж за Алешу Поповича обусловлен тем, что Алеша и Добрыня являются крестовыми братьями или же характером Алеши (бабий пересмешник). В Енисейско-Ангарском регионе Алеша Попович напрямую назван «недругом» Добрыни:

Не ходи ты за недруга моёго,
За того же Олешеньку Поповича:
Он недруг мой, супостат мой,
Он в очи тобой похваляется,
Позавочию тобой возношается

[13, № 123, ст. 10–14; см. также: № 124, ст. 30; № 125, ст. 35; № 126, ст. 34; № 127, ст. 78, 79; № 241, ст. 19, 27, 37].

Лексема «недруг», судя по предметным указателям вышедших томов серии былин «Своя русского фольклора» [23–29], в песенном эпосе Русского Севера встречается крайне редко (единично в регионах Пудоги, Пинеги и Мезени), причем слово не зарегистрирован в сюжете «Добрыня и Алеша» в отношении к Алеше Поповичу.

Помимо былин об Илье Муромце и Добрыне Никитиче в Енисейско-Ангарском крае зафиксирован единственный сюжет о других богатырях – о Сухмане. Былина, как известно, трагична по своему характеру. В классической версии на пиру князь Владимир вызывает охотников, кто сможет привезти лебедь белую не ранену, не кровавлену; вызывается Сухман; приехав на реку, он видит татарское войско, с которым один вступает в битву и, получив кровавые раны, побеждает врага; Сухман приезжает в Киев, князь упрекает его в том, что тот приехал без лебеди, не верит его рассказу о совершенном подвиге; герой «распечатывает» свои раны и умирает.

Вариант, записанный в Кежемской волости [13, № 64], к сожалению, дефектный. Здесь полностью представлено начало старины: пир у не названного по имени князя Владимира; обещание Суханко сына Тумановича привезти лебедь без раны кровавой; отъезд его без оружия, с одной плетью; поимка «лебядки белой». Далее в тексте описывается туча грозная (традиционная метафора пришедшего на Русь вражеского войска) и следует знак многоточия. Ключевые эпизоды сюжета – битва героя с татарами, возвращение его в Киев – отсутствуют. Последние строки кежемской былины – слова оскорблённого недоверием к его подвигу Суханко, заговаривающего стрелу, чтобы она летела ему в грудь.

Таков былинный репертуар Енисейско-Ангарского края.

Признаки затухания былинной традиции

Затухание былинной традиции в рассматриваемом регионе оказывается, как мы уже показали, в том, что многие сюжеты оказались к моменту записи бытующими в деформированном или даже фрагментарном состоянии. Укажем также, что процессы разложения традиции прослеживаются и на других уровнях, в частности, в ослаблении в местных былинах функции исторической памяти. Подчеркнем, что в традиционной культуре русского народа былины выполняли несколько функций. Долгое время в крестьянском быту эпос играл развлекательную роль. Былины пелись, чтобы украсить досуг семьи или некоего дружеского круга. Эстетическая ценность эпических песен была очень высока в глазах слушателей. На Русском Севере, в Поморье, четко проявляется еще одна функция пения былин – магическая. Отправляясь на промысел морского зверя, каждая артель старалась заполучить себе былинщика, чтобы тот вечерами пел «синему морю на потищенье» (так кончались многие старины), т. е. заклинал хорошую погоду. Однако самой главной функцией былин была функция исторической памяти. Сложившиеся в X–XIII вв. во времена Древнерусского государства былины на Русском Севере дожили до середины XX в., сохранив память о Киеве. Киев, напомним, – это самый частотный топоним в былинах Русского Севера.

Транслируя из России эпические песни в Сибирь, первые землепроходцы и последующие поселенцы создавали горизонтальную ось связей новых земель с метрополией (Россией), выстраивая общее культурное пространство. Одновременно былины закрепляли вертикальную ось, сохранив память о сибиряков о Киевской Руси.

Однако в материале Енисейского округа явственно видно, как на уровне эпического пространства начинает размываться историческая память былин. В былинах Енисейско-Ангарского края мы не встретили ни Днепра и Пучай-реки, входящих в пространство Киева, ни Чернигова, ни города Мурома и села Карабарова (родина Ильи Муромца), ни Рязани (родина Добрыни Никитича), ни упоминания имени Леонтия попа Ростовского, отца Алеша Поповича, ни Новгорода и Волхова (родина Василия Буслаева и Садко). Пространство местных былин оказывается предельно безымянным.

Киев, что удивительно, в местных былинах встретился лишь в двух текстах. Первая былина [13, № 162] – это очевидный прозаический пересказ лубочной книжки с сюжетами «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Калин-царь». Любопытна реплика сказителя по поводу упоминаемого им стольного Киева, который явно занимал его воображение: «Поехал Илюша в стольный Киев-град. (Какой он там был!)» [13, с. 276]. Этот же текст сохраняет важнейшую топонимическую формулу *святая Русь* («и стал у отца блаословения просить: блаословить, что ехать ему по святой Русе» – с. 276), опять-таки более ни разу не встретившуюся в остальных былинах региона.

Вторая былина, сохранившая память о Киеве, – «Калинин-царь увозит девушку» [13, № 47]: Калинин-царь приезжает в зелен сад, где в новой горнице сидит девица; предлагает ей замужество, она соглашается; он её увозит; на обратном пути герой (и, по-видимому, героиня) погибает в «рытвище»; его сестры, превратившись в «тигру», дубину и щуку, ищут любимого брателка, хоронят в Божьем храме. Этот текст мы, в отличие от Ю. И. Смирнова, комментатора сборника «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», склонного квалифицировать как «остаток неизвестной эпической песни» [13, с. 386], рассматриваем как былину-новообразование, сотканную в позднее время из мотивов и деталей традиционных былин: герой именуется Калинином-царем (отголосок имени врага Руси Калина-царя); Калинин-царь, отправляясь в путь, седлает коня (традиционный топос былин); героиня соглашается на брачное предложение словами «Давно я, Калинин-царь, дожидаю тебя!», явно позаимствованными из сюжета «Дунай-сват» (кстати, не зафиксированного в рассматриваемом регионе); «рытвище», в котором погибает герой, – это явный отголосок «подкопов», приготовленных татарами для Ильи Муромца. Образ Калинина-царя оказывается размытым и сложно определяемым в координатах «свой» / «чужой». С одной стороны, он носит имя врага Руси, с другой, судя по первым строкам былины («Надеяся на Мать Божию, / На Спаса пречистого!» – ст. 1–2), принадлежит христианскому миру; за невестой он едет «Во Киев-град, во Иерусалим» (ст. 7). Таким образом, перед нами пример, когда не слишком удачная былина-новообразование стремится на уровне топонима (Киев) законсервировать в себе историческую память русского народа.

Единожды в былинах рассматриваемого региона встретилась *Москва*. В одном из вариантов «Ильи Муромца на Соколе-корабле» главный богатырь русского народа, поколачивая сапог о сапог, приговаривает: «Сапоги вы, сапоги, издалеча везены, / Издалеча везены, из матушки Москвы!» [13, № 40, ст. 37–38]. Москва, таким образом, в этой строке сохраняет и материнскую сему, что характерно для былин и исторических песен, и статус города, в котором находятся самые лучшие товары (см. о Киеве и Москве в былинах в нашей статье [30, с. 79–91]).

Продолжая разговор о топонимическом поле былин, сохраненном в былинах Енисейско-Ангарского региона, обратим внимание на географическое имя *Дунай*. Два варианта былины «Добрыня и Алеша» сказителя Н. М. Смолина из д. Выдрино начинаются запевом «Раздунай, Дунай, Дунай, Дунай!» [13, № 124, ст. 1]; «Раздунай, сын Дунай, Дунай, Дунай!» [13, № 125, ст. 1]. На Русском Севере подобная формула с Дунаем чаще всего фиксируется в конце старин. Очевидно, что географическая суть реки Дунай и на Русском Севере, и в Сибири потеряна. Однако сибирская былина, как и северорусские варианты, на уровне формулы-запева продолжает удерживать смутную память о Дунае, который многими исследователями считается родиной славянства. Одновременно былина Н. М. Смолина крепит связи Енисейско-Ангарского региона с материнским Русским Севером.

Признаком затухания былин в рассматриваемом регионе, как ни странно, мы считаем и некоторые новации в формулотворчестве. Былины демонстрируют творческие поиски сказителей в области формул, выходящие за рамки традиции. Так, в Енисейско-Ангарском крае популярным оказывается эпитет «великий», в целом не свойственный былинам. В тексте сказителя Д. А. Козырева из с. Рыбное Пинчугской вол., строящемся на былинных сюжетах «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Идолище» [13, № 30], мы находим «великий

град» (т. е. не названный Киев) [13, № 30, ст. 22] и «великий пир» [13, № 30, ст. 54, 57, 58], собираемый князем Владимиром. В былине о Сухмане традиционный пир назван «велик праздник» [13, № 64, ст. 4].

Князь Владимир в Енисейско-Ангарском крае устойчиво именуется Владимиром Красно Солнышком, Солнышком Владимиром или просто Солнышком. У Д. А. Козырева появляется формула «великий князь Владимир» [13, № 30, ст. 23, 83], что крайне редко встречается на Русском Севере. Сказитель Н. М. Смолин из Выдрино также знает эту формулу. Добрыня обращается к князю Владимиру: «Здравствуешь, Солнышко великий князь!» [13, № 124, ст. 74]. Формула «великий князь», полагаем, является не историческим наследием эпохи Средневековья, а отражением титула членов императорской фамилии, за которых полагалось молиться в церкви во время богослужения.

Добрыня Никитич в текстах сказителя Н. М. Смолина получает высокий социальный статус князя, который не свойствен классическим былинам об этом богатыре: «Сильнущий, большущий, сильный богатырь, / По имени Добрынушка Никитич князь» [13, № 124, ст. 10–11; см. также: ст. 21, 28, 64; № 125, ст. 11, 23, 31, 73].

Заключение

Обзор зарегистрированного былинного репертуара Енисейско-Ангарского края свидетельствует, что на момент записи здесь продолжали бытовать сюжеты об Илье Муромце и Добрыне Никитиче. Образ Алеша Поповича раскрывается только в былине «Добрыня и Алеша». Богатырский сюжет «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» и новеллистические старины «Добрыня и Маринка» и «Алеша Попович и сестра братьев Сбродовичей» в рассматриваемом регионе не зафиксированы. Равным образом местная традиция в конце XIX – XX вв. не знала Чурилу Пленковича, Дюка Степановича, Ставра Годиновича, Потыка, Ивана Годиновича, Дуная, Василия Буслаева, Садко. Однако мы убеждены, что многие названные былинные персонажи и сюжеты некогда были известны рассматриваемому региону.

Через Енисей и Ангару, повторим еще раз, былинная традиция продвигалась далее на восток, и каждая из последующих сибирских региональных традиций сохраняла тот или иной сюжет, не зафиксированный в Енисейском округе. Так, в Илимском воеводстве были записаны старины «Добрыня и Маринка» [13, № 148], начала сюжетов «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» [13, № 22] и «Василий Буслаевич» [13, № 5]; на Индигирке и Колыме зарегистрированы былины о Садко [13, № 85–87]; в Нерчинском крае была записана былина о Ставре [13, № 131] и т. д. Енисейско-Ангарский регион играл роль метрополии для Восточной Сибири. Отсутствие в крае большинства сюжетов, полагаем, – это следствие того, что фольклористы застали традицию уже в период её глубокого затухания.

Литература

1. Иванова Т. Г. «Большие» и «малые» метрополии севернорусской былинной традиции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы : сборник научных статей / ответственный редактор М. В. Ахметова. – Москва : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2015. – С. 11–21.
2. Щеглов В. И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / издание Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. – Иркутск : [б. и.], 1883. – 779 с.
3. Лысенко Ю. Ф. Старотуруханск // Енисейский энциклопедический словарь / главный редактор Н. И. Дроздов. – Красноярск : К ООО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 587–588.
4. Резун Д. Я., Хромых А. С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири / ответственный редактор В. И. Клименко. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. – Т. 3. – С. 320.
5. Быкона Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX века: демографический аспект. – Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т, 2007. – 414 с.
6. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). – Москва : Наука, 1964. – 303 с. – (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия ; Т. 87).

7. Латкин Н. В. Енисейская губерния, её прошлое и настоящее : Очерк. – Санкт-Петербург : Тип. и литография В. А. Тиханова, 1892. – 467 с.
8. Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вингбера, 1835. – 278 с.
9. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века) / авторы текста В. А. Безруких, Г. Ф. Быкня, В. И. Федорова. – Красноярск : Растр, 2012. – 239 с.
10. Списки населенных мест Российской империи, составленные и изданные Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. По сведениям 1859 года. Вып. 51: Енисейская губерния. – Санкт-Петербург : Изд-во Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1864. – 74 с.
11. Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10 и 11: Тобольская и Енисейская губернии. – Санкт-Петербург : Изд-во Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1895. – 637 с. – (Статистика Российской империи ; XXIX).
12. Список населенных пунктов Енисейской губернии (с приложением списка русских поселений в Урянханском крае и схематической карты волостей Енисейской губернии) / изд. Енисейского районного переселенческого управления. – Красноярск : Енисейская губ. тип., 1911. – 426 с.
13. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / составитель Ю. И. Смирнов. – Новосибирск : Наука, 1991. – 498 с.
14. Быкня Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск : Наука, 1981. – 248 с.
15. Быкня Г. Ф. История Приенисейского края: XVII – первая половина XIX века. – Красноярск : Горница, 1997. – 317 с.
16. Лысенко Ю. Ф., Лебедев Н. Н. Богучаны // Енисейский энциклопедический словарь / главный редактор Н. И. Дроздов. – Красноярск : К ООО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 79.
17. Лысенко Ю. Ф., Лебедев Г. Н. Кежма // Енисейский энциклопедический словарь / главный редактор Н. И. Дроздов. – Красноярск : К ООО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 263.
18. Лысенко Ю. Ф., Лебедев Г. Н. Кежемский район // Енисейский энциклопедический словарь / главный редактор Н. И. Дроздов. – Красноярск : К ООО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 262–263.
19. Шер А. А. Экспедиция по исследованию южной части Енисейской губернии (по данным Отчета инженера Шера) // Вопросы колонизации. – 1908. – Вып. 2. – С. 426–438.
20. Путилов Б. Н. К вопросу о составе разинского песенного цикла (Былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор : материалы и исследования / ответственный редактор Б. Н. Путилов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 6. – С. 305–328.
21. Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003» / ответственный редактор Т. Г. Иванова. – Петрозаводск : Гос. историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», 2003. – С. 28–30.
22. Иванова Т. Г. Топоним *Рязань* в северорусских былинах // Народная культура в слове и тексте : сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой / ответственный редактор Т. С. Канева. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2013. – С. 80–89.
23. Былины Зимнего берега Белого моря / издание подготовили А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2018. – 995 с. – (Свод русского фольклора. Былины ; Т. 8).
24. Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / издание подготовили М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2020. – 1703 с. – (Свод русского фольклора. Былины ; Т. 9).
25. Былины Мезени / корпус текстов и комментарии подготовили А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2003. – 530 с. ; 2004. – 715 с. ; 2006. – 599 с. – (Свод русского фольклора. Былины ; Т. 3–5).
26. Былины Кулоя / издание подготовили Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2011. – 922 с. – (Свод русского фольклора. Былины ; Т. 6).
27. Былины Печоры / корпус текстов подготовили В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2001. – 772 с. ; 2001. – 783 с. – (Свод русского фольклора. Былины ; Т. 1–2).

28. Былины Пинеги / издание подготовили Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастрев, М. В. Рейли. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2012. – 973 с. – (Свод русского фольклора. Былины ; Т. 7).

29. Былины Пудоги / издание подготовили М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастрев, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Классика, 2013. – 1063 с. ; 2014. – 951 с. ; 2015. – 1295 с. ; 2016. – 883 с. – (Свод русского фольклора. Былины ; Т. 16–18 (1–2)).

30. Иванова Т. Г. Киев и Москва в севернорусских былинах (на материале записей в Архангельском крае) // Київ і слов'янські літератури : Збірник / упорядник Деян Айдачич. – Київ ; Београд : Tempora ; Slovo Slavia, 2013. – С. 79–91.

References

1. Ivanova T. G. “Big” and “small” metropolises of the Northern Russian epic tradition. In: Regional studies in folklore and ethnolinguistics – problems and prospects: Collection of scientific articles. Editor M. V. Akhmetova. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2015, pp. 11–21. (In Rus.)
2. Shcheglov V. I. Chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1032–1882. Publication of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society. Irkutsk, 1883, 779 p. (In Rus.)
3. Lysenko Yu. F. Staroturukhansk. In: Yenisei Encyclopedic Dictionary. Editor N. I. Drozdov. Krasnoyarsk, K OOO Association “Russian Encyclopedia” Publ., 1998, pp. 587–588. (In Rus.)
4. Rezun D. Ya., Khromykh A. S. Turukhansk. In: Historical Encyclopedia of Siberia. Editor V. I. Klimenko. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2010, vol. 3, p. 320. (In Rus.)
5. Bykonya G. F. Cossacks and other service population of Eastern Siberia in the XVII – early XIX century: demographic aspect. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 2007, 414 p. (In Rus.)
6. Alexandrov V. A. The Russian population of Siberia of the XVII – beginning of the XVIII century (Yenisei Region). Moscow, Nauka Publ., 1964, 303 p. (Proceedings of the Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay. New series; vol. 87). (In Rus.)
7. Latkin N. V. Yenisei province, its past and present: Essay. Saint Petersburg, Printing House of V. A. Tikhanov, 1892, 467 p. (In Rus.)
8. Stepanov A. P. Yenisei province. Part 1. Saint Petersburg, Printing House of K. Vingiber, 1835, 278 p. (In Rus.)
9. Illustrated history of Krasnoyarsk (XVI – early XX century). Author of the text V. A. Bezrukikh, G. F. Bykonya, V. I. Fedorov. Krasnoyarsk, Rastr Publ., 2012, 239 p. (In Rus.)
10. Lists of populated places in Russia, collected and printed by the Central statistic Committee of the Ministry of Internal Affairs according to information from 1859. Issue 51: Yenisei province. Saint Petersburg, Publ. House of the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior, 1864, 74 p. (In Rus.)
11. Volosts and settlements of 1893. Issues 10 and 11: Tobolsk and Yenisei provinces. Saint Petersburg, Publ. House of the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior, 1895, 637 p. (Statistics of the Russian Empire; XXIX). (In Rus.)
12. List of settlements of the Yenisei province (with the appendix of the list of Russian settlements in the Uryankhan region and a schematic map of the volosts of the Yenisei province). Edition of Yenisei District Resettlement Administration. Krasnoyarsk, Yenisei Provincial Printing House, 1911, 426 p. (In Rus.)
13. Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Comp. Yu. I. Smirnov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 498 p. (In Rus.)
14. Bykonya G. F. Settlement of the Yenisei Region by Russians in the XVIII century. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 248 p. (In Rus.)
15. Bykonya G. F. History of the Yenisei Region: XVII – the first half of the XIX century. Krasnoyarsk, Gornitea Publ., 1997, 317 p. (In Rus.)
16. Lysenko Yu. F., Lebedev N. N. Boguchany. In: Yenisei Encyclopedic Dictionary. Editor N. I. Drozdov. Krasnoyarsk, K OOO Association “Russian Encyclopedia” Publ., 1998, p. 79. (In Rus.)
17. Lysenko Yu. F., Lebedev G. N. Kezhma. In: Yenisei Encyclopedic Dictionary. Editor N. I. Drozdov. Krasnoyarsk, K OOO Association “Russian Encyclopedia” Publ., 1998, p. 263. (In Rus.)
18. Lysenko Yu. F., Lebedev G. N. Kezhemsky district. In: Yenisei Encyclopedic Dictionary. Editor N. I. Drozdov. Krasnoyarsk, K OOO Association “Russian Encyclopedia” Publ., 1998, pp. 262–263. (In Rus.)

19. Sher A. A. Expedition to explore the southern part of the Yenisei province (according to the Report of engineer Sher). *Questions of colonization*. 1908, iss. 2, pp. 426–438. (In Rus.)
20. Putilov B. N. On the composition of the Razinsky song cycle (Epic about the Falcon Ship). In: Russian folklore: materials and research. Responsible editor B. N. Putilov. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, vol. 6, pp. 305–328. (In Rus.)
21. Ivanova T. G. Epics in the Velikoustyuzhsky region. In: Local traditions in the folk culture of the Russian North: materials of the IV International scientific conference “Ryabinin readings-2003”. Editor T. G. Ivanova. Petrozavodsk, “Kizhi” State Historical, Architectural and Ethnographic Museum-Reserve Publ., 2003, pp. 28–30. (In Rus.)
22. Ivanova T. G. Toponym Ryazan in the North Russian epics. In: Folk culture in word and text: collection of studies and materials in memory of Valentina Viktorovna Filippova. Editor T. S. Kaneva. Syktyvkar, Syktyvkar State University Publ. House, 2013, pp. 80–89. (In Rus.)
23. Epics of the Winter coast of the White Sea. Edition prepared by A. N. Vlasov, S. A. Zhadowskaya, N. G. Komelina, Yu. I. Marchenko, Yu. A. Novikov. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Classics Publ., 2018, 995 p. (The Code of Russian folklore. Epics; vol. 8). (In Rus.)
24. Epics of the Winter coast of the White Sea: Epicteller Marfa Semyonovna Kryukova. Edition prepared by M. V. Reilly, Yu. I. Marchenko, A. N. Rozov. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Classics Publ., 2020, 1703 p. (The Code of Russian folklore. Epics; vol. 9). (In Rus.)
25. Epics of Mezen. The corpus of texts and comments prepared by A. A. Gorelov, T. G. Ivanova [et al.]. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Classics Publ., 2003, 530 p.; 2004, 715 p.; 2006, 599 p. (The Code of Russian folklore. Epics; vol. 3–5). (In Rus.)
26. Epics of Kuloy. Edition prepared by Yu. I. Marchenko, Yu. A. Novikov, L.I. Petrova, A. N. Rozov. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Classics Publ., 2011, 922 p. (The Code of Russian folklore. Epics; vol. 6). (In Rus.)
27. Epics of Pechora. Corpus of texts prepared by V. I. Eremin, V. I. Zhekulina, V. V. Korguzalov, A. F. Nekrylova. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Classics Publ., 2001, 772 p.; 2001, 783 p. (The Code of Russian folklore. Epics; vol. 1–2). (In Rus.)
28. Epics of Pinega. Edition prepared by T. G. Ivanova, A. Yu. Kastrov, M. V. Reilly. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Classics Publ., 2012, 973 p. (The Code of Russian folklore. Epics; vol. 7). (In Rus.)
29. Epics of Pudoga. Edition prepared by M. N. Vlasova, V. I. Eremina, V. I. Zhekulina [et al.]. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Classics Publ., 2013, 1063 p.; 2014, 951 p.; 2015, 1295; 2016, 883 p. (The Code of Russian folklore. Epics; vol. 16–18 (1–2)). (In Rus.)
30. Ivanova T. G. Kiev and Moscow in the Northern Russian epics (based on the material of records in the Arkhangelsk Region). In: Kiev and Slavia’s literature. Ed. by Deyan Aydachich. Kiev, Beograd; Tempora, Slovo Slavia Publ., 2013, pp. 79–91. (In Rus.)